

Э. Ю. Канаева

ВАРЛААМ КАЛАБРИЙСКИЙ И ЕГО БОГОСЛОВИЕ В ЗАЩИТУ УНИИ

В статье рассматривается личность Варлаама Калабрийского (XIV век) через призму его деятельности в пользу воссоединения Церквей. Показывается, как эта деятельность вписывается в исторический контекст и в экклесиологические установки Варлаама. Описываются три проекта, которые он предлагал на протяжении жизни, и их эволюция. Проект «вежливого диалога» и диалектики должен был решить проблему взаимного непонимания сторон. Проект «авторитарного решения» — снять давление взаимных анафем и привести к более конструктивному диалогу. Проект «собора после военной помощи» должен был решить сразу политические и богословские проблемы христиан. Все эти проекты вследствие своей неадекватности исторической ситуации и не до конца последовательного их проведения провалились. Тем не менее и оригинальность идей Варлаама, и его неутомимость в их воплощении определяют его как искреннего и одаренного борца за церковное единство. Делается вывод о том, что именно эта борьба и составляла основное содержание его политической и богословской мысли.

Ключевые слова: Варлаам Калабрийский, воссоединение Церквей, межконфессиональный диалог, экуменизм, XIV век, диалектика, Filioque, исхождение Святого Духа, опресноки, экклесиология, церковная политика, история Церкви.

На протяжении всего времени после разделения Церквей восточная и западная ветви христианства не оставляли попытки воссоединения. В середине XIV в. деятельнейшим участником и инициатором таких попыток был Варлаам Калабрийский. В силу ряда исторических причин этот византийский богослов и ученый вошел в историю богословия как предводитель партии антипаламитов, хотя в действительности сфера его интересов была гораздо шире.

Необходимость унии

Интерес Варлаама к делу соединения Церквей обусловлен сразу тремя факторами: его личными обстоятельствами, его экклесиологическими взглядами и исторической ситуацией. Эти факторы, которые мы конкретизируем ниже, определили направление и характер всей его деятельности, которая в каждый период его жизни (кроме, вероятно, промежутка между 1329 и 1334 гг., посвященного исключительно науке) была направлена на преодоление разделения христиан. Эта деятельность заключается в трех проектах унии, которые можно реконструировать из его работ, и в ряде принятых им демаршей.

Главным обстоятельством, повлиявшим на выбор жизненного пути Варлаамом, было его италийское происхождение. Он вырос в Калабрии, области католического подчинения, но византийского обряда, в среде постоянного диалога между Восточной и Западной Церквями. Там у Варлаама была возможность проникнуться симпатией к обоим направлениям, хотя он был православным как по рождению, так и по убеждению, что убедительно доказано еще М. Жюжи [Jugie]. В дальнейшем ему существенно помогало его знание как языка обеих сторон, так и их общего культурного фона, осложняющего ведение диалога в чисто логических терминах.

Эльга Юрьевна Канаева — выпускница аспирантуры ПСТГУ, исполнительный редактор Православного Свято-Тихоновского богословского института (Москва) (mvereskov@list.ru).

Историческая ситуация, в которой оказался Варлаам, была крайне благоприятна для реализации его устремлений. Папа Иоанн XXII был заинтересован в унии с греками и в 1334 г. послал своих легатов для переговоров. Император Андроник III, озлобленный османской угрозой, также искал возможности примирения с латинянами и после провала переговоров 1334 г. в 1339 г. отправляет Варлаама в Авиньон для их возобновления. Военная угроза империи была настолько велика, что в 1334 г., по свидетельству Варлаама, легаты даже шантажировали византийский двор. В горьком и саркастическом финале диалога «Легат» он вкладывает в уста латинянина такие слова: «Я нахожу лучшим сказать тебе коротко и правдиво то, что следует передать и другим грекам. Ибо так говорит папа: „Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста папы сказали это“» [Barlaam, 1998, 466–482. L. 214–220 (далее — *Legatus*).]¹ Как отмечает А. Спурлаку-Эвтихиаду, если бы не конфликт с исихастами, Варлаам в этой ситуации мог бы стать большой удачей византийского правительства [Spourlakou-Eutychiadou, 555–556]².

О своих симпатиях к делу унии Варлаам заявляет многократно. Цель его трактата «Против латинян» состоит в действительности не в опровержении их позиции самой по себе, но в «достижении единства и всеобщей пользы» [Barlaam, 1998, 244–265 (далее — *Tractatus B*).]³ путем разъяснения истинности православного вероучения. Эту мысль, высказанную на раннем этапе своей богословской работы, Варлаам повторяет и в её конце, будучи уже католическим епископом, в письме к православному другу: «Я пишу это тебе, а другим и говорю, не из недоброжелательства или клеветы, но в заботе о том, чтобы Церкви соединились, и восстановились в прежнем качестве, и чтобы все христиане в вере и истине мыслили одно и то же, и взаимно связались узами любви»⁴. В промежутке, в латинских речах 1339 г., он пишет, что «большого дела под небом нельзя себе и вообразить, чем уния греков с латинянами»⁵.

Уния необходима по двум причинам: аксио-онтологической и прагматической. Во-первых, Церковь Христова в идеальной действительности пребывает Единой, и задача христианина состоит в том, чтобы это стало верным и для действительности реальной. Нет двух Церквей, испытывающих потребность в соединении, а есть одна Церковь, на определенном плане своего бытия оказавшаяся разделенной [Giannelli, 185–201 (далее — *De Concordia*), 197. L. 8–9]⁶. Варлаам остро переживает трагизм этого разделения. В речи «О согласии» он пишет: «И больше той раны, чем та, которая разделяет все тело надвое, невозможно и высказать. И ужасная битва членов между собой, и отвержение ими нераздельной Главы, и все проистекающие от этого беды, для описания которых недостаточно будет никаких слов» [De Concordia, 195. L. 2–7]. Таинство Евхаристии, Таинство Единства по своей сути, оказывается разделяющим христиан по своей форме (вопрос об опресноках) [De Concordia, 197. L. 4–8]. Слово «братья», обращенное к собеседникам, многократно повторяется в его работах [напр.: Barlaam, 1998, 498–539 (далее — *Tractatus A*): *Tractatus A*, 2.5; *Tractatus B*, 2.7]. Традиционная картина, согласно которой есть одна истинная Церковь, а от неё сознательно откололись еретики или схизматики, переворачивается. Теперь есть две части единой

¹ Ср. Ис.1:19. Хотя это свидетельство и обусловлено литературной формой (как и во всем диалоге, латинянин здесь уподоблен Евтифрону [Demetrasopoulos, 110]), А. Фиригос приводит ссылки и на другие свидетельства похожего содержания, которые подтверждают его историческую ценность [Fyrigos, 1982, 31, nota 34].

² Та же мысль и у Дж. Скиро [Barlaam, 1954, 58].

³ *Tractatus B*, 3.1: «ἐνεκα τῆς τῶν ἐκκλησιῶν ἐνώσεως καὶ τοῦ κοινῆ λασι συμφέροντος».

⁴ «Hoc autem et ad te scribo, et ad alios dico, non malevolentia aliqua, et contumeliose, sed cupiditate, ut Ecclesia Christi uniatur, et ad seipsam redeat, et omnes Christiani in fide et veritate idipsum sapiant, et charitatis vinculo sibi invicem copulentur» [Epistula ad Calophetum. PG V. 151. Col. 1314 AB].

⁵ «quia majus opus, quam uniri Graecos cum Latinis, sub coelo non poterit homo invenire» [Pro Unione. PG V. 151. Col. 1339 D]. Перевод дан по: [Успенский, 241].

⁶ Так же Варлаама понимает и Франческо Куаранта [Quaranta, 92].

на высшем уровне Церкви, между которыми посеял раздор и непонимание диавол, единственный действительный «противник», с которым должны бороться обе стороны, чтобы достичь единства. Четвертую речь последней редакции «Трактата против латинян» Варлаам открывает так: «Не будем считать друг друга противниками и стремиться перебороть друг друга, но примем в этой борьбе одну сторону и будем считать общим противником и врагом того, кто от начала злоумышляет против нашего рода, победой, соответственно, — устранение на будущие времена всякого соперничества, благодаря обретению истины, а поражением — неудачу в поиске этой истины» [Tractatus B, 4.1. L. 2–8]. Такую же смену системы координат он предлагает и в латинских речах об унии [Pro Unione. PG V. 151. Col. 1336 C]. А в речи «К Собору» говорит о латинянах: «Никто, думаю, не будет утверждать, что они сознательно извратили догматы и по своей воле пребывают в ложных учениях» [Giannelli, 202–208 (далее — Ad Synodum), 203].

Во-вторых, разделение христиан послужило источником многочисленных военно-политических проблем для них. Вместе христианский Восток и Запад могли бы дать отпор оттоманскому наступлению, а по отдельности обе империи подвергаются большой угрозе. В его оптимистическом проекте латиняне спасают тело Церкви, посылая свои войска на помощь грекам, а последние спасают её душу утверждением правильных догматов [De Concordia, 204. L. 18–19].

Эти две мысли Варлаам соединяет во вступлении к первой греческой речи об унии: «Я давно убежден в том, что все, имеющие свое именование по Христу, должны страстно желать увидеть, как Церковь сама в себе воссоединится, примирив друг с другом издавна враждующие части и приведя их к взаимной дружбе. Ведь все стремятся к благу, а из человеческих благ самое великое — мир и единодушие в добром. К тому же и приключившиеся из-за этого разделения беды для христиан — и не только грекам, но и латинянам в равной степени теперь приходится соседствовать с неприятелем и прибегать к помощи своих соседей — делают стремление к согласию выше всех добродетелей» [Giannelli, 185. L. 3–13].

Ради воссоединения Церкви, по мнению Варлаама, надо прикладывать усилия. Нельзя ссылаться на то, что Господь Сам излечит рану Церкви, и пассивно ожидать этого, поскольку всё, что в Его воле, Он совершает посредством людей. Это можно проиллюстрировать историей воскрешения Лазаря, когда Христос попросил людей отвалить камень, а Сам совершил чудо воскрешения, хотя мог сделать и то, и другое Своей божественной властью [De Concordia, 200–201, особ.: 200 L. 8–12]. Следует предпринимать и заведомо провальные попытки, и попытки из слабых позиций, поскольку они лучше бездействия настолько, насколько существующее лучше несуществующего [Ad Synodum, 204. L. 9–10]. Тема готовности к труду заявлена и в латинских речах [Pro Unione. PG V. 151. Col. 1342B]. Эту готовность Варлаам засвидетельствовал не только словом, но и делом: своим участием в переговорах о воссоединении как на восточной, так и на западной территории, своей перепиской с инославными (в греческий период — с католиками, в католический — с православными), своими оригинальными проектами унии, к которым мы переходим.

Тон полемики и диалектический метод

Одна из оригинальных для своего времени идей Варлаама состоит в том, что основное препятствие для воссоединения Востока и Запада состоит не столько в вероучительных различиях Церквей, сколько в многовековых наслоениях взаимной вражды и непонимания. Это непонимание, в свою очередь, обрекает на провал все попытки обсудить вероучительные вопросы.

Время, увеличивающее это непонимание, действует против дела воссоединения. В «Трактате против латинян» он пишет: «Итак, о, мужи латиняне, я вижу две причины, препятствующие слушателю правильно воспринимать говоримое: первая — желание считать только такие утверждения, о чем бы то ни было истинными, к которым

привык с юности, а противоположное воспринимать как болтовню, а вторая — враждебное и неблагоприятное отношение к говорящему, когда ненависть не дает видеть здравость его слов»⁷. А в речи «О согласии»: «И каждая сторона из-за долговременной привычки считает свою позицию более сильной. Ведь то, что считается более или менее истинным, через некоторое время переходит в разряд непреложного. И какую другую причину можно назвать для продолжающегося у нас уже столько времени раздора и для того, что совершенно не удастся прийти к общему мнению и согласию?» [De Concordia, 193. L. 20–24].

Помимо чисто временной причины усугубления разрыва между Востоком и Западом Варлаам называет и политическую. В надежде получить для Византии военную помощь он говорит папе Римскому: «Знайте, что греков отделяет от вас не столько различие догматов, сколько та ненависть, которая внедрилась в них по причине многих бедствий, испытанных ими в разные времена от латинян и доселе ежедневно испытываемых, и нельзя надеяться на унию, пока не изгладится эта ненависть» [Pro Unione. PG V. 151. Col. 1336B; рус. пер.: Успенский, 238].

Полемика не устраивала его своей агрессией по отношению к противоположной стороне, позицией часто высокомерной и с претензией на самоочевидность. Он много раз сталкивался с тем, что аргументы, которые для греков казались несокрушимыми и победоносными, латинянами ставились под сомнение [Fyrigos, 2005, 91–111; Tractatus B, 4.17]. И наоборот, аргументы, против которых полемика возражала, на поверку оказывались «соломенным чучелом», не имеющим отношения к позиции латинян [Varlaam, 1995, 58].

Чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию, Варлаам предлагает две техники: «вежливость» и «диалектику».

Благожелательное, вежливое ведение диалога является необходимым условием его успеха. Для греков и латинян, братьев, принявших одну сторону в борьбе с дьяволом, соответственно еkkлесиологической картине Варлаама, это условие оказывается также и совершенно естественным. Оно имеет своей целью, с одной стороны, компенсацию за бывшие в прошлом взаимные обиды, с другой — обеспечение фундамента для нового конструктивного диалога, не отягощенного взаимными оскорблениями. В духе вежливости, совершенно уникальном для византийской традиции антилатинской полемики, написаны все части его «Трактата против латинян» и «Греческие речи». В речи «К синоду» он призывает греческое посольство обращаться к папе «не силлогистически, а увещательно и мило» [Ad Synodum, 205]. В латинских речах он призывает папу послать на Восток в качестве послов «людей верующих и богобоязненных, полных духа смирения и терпения», которые выражались бы в самых благожелательных терминах, и «если Восток услышит такие кроткие слова, то возрадуется император, и патриархи, и народ, и немедленно примут меры» [Pro Unione. PG V. 151. Col. 1333; рус. пер.: Успенский, 236].

Диалектический метод Варлаама, который заслуживает отдельного исследования, также работает в рамках этой логики. Основная задача этого метода — выстраивание конструктивного диалога, приводящего к накоплению богословских утверждений, с которыми согласны обе стороны. «Вежливость» и «диалектика» действуют в связке: первая подготавливает почву для диалога, а вторая его развивает. Так он говорит об этой связке: «Ведь не из-за недостатка в речах, силлогизмах и доказательствах дьявол нас разделял столь долгое время — ведь если бы дело было только в них, единство было бы давно достигнуто, — но из-за того, что и мы, и вы не хотели вложить в эти слова то, что составляет большую часть, если даже не всю их силу: доброжелательность друг к другу, благосклонное слушание, искание истины, а не победы

⁷ «Δύο ἔγωγε, ὃ ἄνδρες Λατίνοι, θεωρῶ μάλιστα τὰ ἐμποδίζοντα ἐκάστοτε τὸν ἀκροατὴν μὴ ὑγιῶς τοῖς λεγομένοις ἀκολουθεῖν· ἐν μὲν τὸ οἶσθαι ταῦτα μόνα τῶν δογμάτων περὶ παντὸς πράγματος ἀληθῆ εἶναι ἄπερ αὐτῷ συμβέβηκεν ἐκ νέου φρονεῖν καὶ λιπεῖν ἠγεῖσθαι τὸν τάναντία λέγοντα, ἔτερον δὲ τὸ τῷ λέγοντι ἀπεχθῶς καὶ δυσμενῶς ἔχειν καὶ ὑπὸ τοῦ μίσους μηδὲν ὑγιῆς λέγειν αὐτὸν νομίζειν» [Tractatus B, 2.1–2. L. 5–20].

и суетной славы. Это соединяет; это сочетает; это всех, кто прибегает к тому, творит единомысленными во всех вопросах»⁸.

Диалектический проект Варлаама в современных ему условиях провалился достаточно быстро. Он встретил радикальное неприятие уже на византийской стороне в лице свт. Григория Паламы. Переписка с ним в 1336–1338 гг. показала Варлааму, что по крайней мере византийцы не готовы принять идею его метода и работать с его помощью на воссоединение с Западом.

Проект авторитарного решения

Ближе к 1339 г. Варлаам констатирует провал попыток унии через богословские переговоры: «Итак, силлогизмами и доказательствами, как показало время, их убедить невозможно. Ведь за это время было много собеседований и обсуждений, и ни одно из них не смогло хоть в чем-то исправить ущерб, нанесенный схизмой» [Ad Synodum, 204; ср.: De Concordia, 185]. Принципиально конструктивный богословский диалог между греками и латинянами возможен, однако фактически его построению препятствует столько обстоятельств, что он каждый раз проваливается [см. также: De Concordia, 197. L. 26 — 198. L. 5]. Поэтому Варлаам предлагает сначала преодолеть эти обстоятельства, а именно принудительным образом вернуться к тому положению вещей, которое было до вставки Filioque в Символ веры и начала схизмы. Проект, который мы опишем ниже, был, скорее всего, чисто умозрительным и никогда не подвергался публичному обсуждению⁹.

По мнению Варлаама, status quo, к которому нужно вернуться, был таков: до вставки Filioque в Символ было три группы людей. Одни считали, что Святой Дух исходит от Отца и от Сына, другие — что от одного Отца, а третьи воздерживались от суждения по этому вопросу и относили его к области непознаваемого в Боге. Все эти люди жили в мире и исповедовали общий Символ веры, который можно понимать в любом из этих трёх смыслов. Для возврата к этому состоянию и на Западе, и на Востоке должен быть провозглашен указ следующего содержания:

«Поскольку издавна существует сомнение по поводу исхождения Святого Духа: от одного ли Отца Он исходит, или и от Сына, и это сомнение делит Церковь на две части и противопоставляет их друг другу, поскольку одна придерживается одного, а другая — другого мнения, мы постановляем, чтобы впредь не происходило никакого исследования или спора по этому вопросу, но чтобы единогласно исповедовалось как бесспорное, что Дух Святой исходит от Отца, а от одного ли, или и от Сына, чтобы никто не смел утверждать, но чтобы всякий, кто считает, что что-то понял в этом вопросе, держал это при себе, защищая тем самым неизменное учение о Третьем Лице. А кто этого не послушает — анафема» [De Concordia, 188; то же: Ad Synodum, 204–205].

В 1339 г. Варлаам действительно озвучивает этот проект перед папой и курией, хотя в этот момент он характеризует его как менее предпочтительный по сравнению

---

⁸ «Οὐδὲ γὰρ λόγων καὶ συλλογισμῶν καὶ ἀποδείξεων ἀπορία τοσοῦτον ἡμᾶς ὁ ἐχθρὸς διέστηκε χρόνον—ἐλεῖ ἐνεκά γε τούτων, πάσαι ἂν ἠνώθημεν—, ἀλλ' ὅτι οὐκ ἐθέλομεν συνεισφέρειν τοῖς λόγοις ταῦτα ἢ τὸ πλεόν, μᾶλλον δὲ τὸ πᾶν ἐν τοῖς τοιοῦτοις δύναται· εὐνοίαν πρὸς ἀλλήλους· ἀκοήν εὐγνώμονα· ἀληθείας, οὐ νίκης καὶ ματαίας δόξης ἐφεσιν. Ταῦτα συνάλπει· ταῦτα ἐνοῖ· ταῦτα περὶ πάντα ὁμοφωνεῖν ποιεῖ οἷς ἂν παρή» [Tractatus B, 2. 4. L. 67–73].

⁹ Так считает К. Джаннелли, издатель двух текстов, в которых проект изложен (De Concordia и Ad Synodum) [Giannelli, 171]. Ж. Даррузес предлагает датировать эти тексты более ранним периодом, около 1334 г., и связывает их с приездом западных легатов в Константинополь, поэтому не исключает, что речь De Concordia была произнесена [Darrouzès, 129–130. Reg. № 2170]. Однако А. Фиригос, на наш взгляд, убедительно опроверг аргументацию Даррузеса и предложил вернуться к версии Джаннелли, но при этом не исключает возможности частного их обсуждения, например, между Варлаамом и императором [Fyrigos, 1982, 41–42].

со своим следующим проектом¹⁰. Он предлагает папе издать следующее обращение к восточным патриархам и императору:

«Братья! Как вы, так и мы исповедуем в Божестве единую сущность и троичность Лиц, а также единое Начало [в Троице]; ни вы, ни мы не допускаем в Божестве ни тождества Лиц, ни разделения сущности: этого достаточно, чтобы быть нам в унии. Учение о происхождении Святого Духа пусть не будет причиной разделения; пусть об этом рассуждают ученые с вашей и нашей стороны, если захотят того, но это не послужит поводом к разделению; исповедуйте этот член по вашему усмотрению, а мы по своему, но не будем отлучать друг друга из-за этого вопроса. Вы окажите Римской Церкви подобающую честь, какую воздавали ей прежде патриархи во время единения и какая приличествует ей по законам императоров и по правилам святых отцов, больше того мы не требуем от вас. Со своей стороны, мы готовы дать и утвердить за Восточной Церковью, и в частности за Константинопольской, и за империей Византийской все права, присущие ей по древнему обычаю или по законам императоров и правилам святых отцов» [Pro Unione, PG V. 151. Col. 1339D–1340A; рус. пер.: Успенский, 241 с изм.].

Такой указ, по мнению Варлаама, мог бы разорвать бесконечную паутину («пряжу Пенелопы» [De Concordia, 193 L. 31]) бесплодных, как показало время, рассуждений. Мы позволим себе не согласиться с прот. Иоанном Мейендорфом, который пишет: «Взгляды Варлаама на унию, как мы можем видеть из его проекта и речей перед папой, состояли, главным образом, в том, чтобы игнорировать теологические затруднения» [Meuendorff, 49], а также: «Калабриец в итоге приходит к исповеданию формального номинализма, который хорошо объясняет его догматический релятивизм» [Ibid.]. Из иных мест этих и других работ Варлаама можно сделать вывод, что, даже если его позицию и можно логически разрешить в релятивизм и игнорирование теологических затруднений, то сам он, по крайней мере, не доходил до этих крайностей.

Во-первых, проект авторитарного решения вопроса не предполагал, по Варлааму, окончательного отказа от решения богословской проблемы. Это была лишь временная мера, которая должна была помочь избавиться от давления взаимных анафем, предрассудков и вражды между православными и католиками. После достижения соглашения богословы смогут уже спокойнее рассматривать догматический вопрос и принимать по его поводу решение, не опасаясь быть отлученными от Церкви. Варлаам надеялся, что таким образом латиняне постепенно придут к согласию с учением об исхождении *ex solo Patre*: «ведь препятствием для того, чтобы они [латиняне], пришли к истине, служит не только то, что каждый из них, прежде чем войдет в разум и науки, с юных лет уверен, что [в Символе веры] содержится „и от Сына“, но и то, что честолюбие перед лицом своих и возможное бесчестие из-за согласия с противниками делают охоту за истиной чрезвычайно трудным делом. А тогда (после провозглашения этого указа. — Э.К.) все это устранилось, а сохранилось одно лишь стремление к истине, им будет очень просто найти её. Так что по истечении достаточного времени все окажутся в истинном учении» [Ad Synodum, 206. L. 6–13].

В этот период своего творчества он ещё верит, что истинное учение — это учение об исхождении Святого Духа только от Отца [De Concordia, 192. L. 28]. Эта вера для него не является знанием, поэтому он может рекомендовать: «Спросят тебя, от Отца ли исходит Дух Святой? Отвечай: да. Спросят, от одного ли, или и от Сына? Отвечай: не знаю. Ведь мы знаем не всё о Боге» [De Concordia, 191]. Вопрос об исхождении или неисхождении Духа от Сына оказывается факультативным, недостижимым для нашего познания, а *Filioque* (в этом мы согласны с прот. Иоанном Мейендорфом) — западным теологуменом [Meuendorff, 49]. В рамках этого проекта Варлаам выступает, скорее, как агностик, чем как релятивист, он призывает стороны не отказываться от своего мнения, но, напротив, остаться при нем, не делая из этого повода

¹⁰ «Я не могу сказать с точностью, получится ли таким образом достичь унии, но верю, что Богу это возможно» [Pro Unione, PG V. 151. Col. 1339D] и в других выражениях [Ibid. Col. 1340B].

к разделению, поскольку точное знание о нем (пока?) недоступно. При этом такой подход возможен только к определенному кругу вопросов, а по другим темам Варлаам ни релятивизма, ни агностицизма не исповедует. Можно сказать, что, имея собственную позицию по вопросу об исхождении Святого Духа, Варлаам признает право других занимать противоположную позицию, поскольку точное знание положения вещей именно в этом вопросе человеку не дано.

Похожим образом Варлаам рассматривает и другой вопрос, разделяющий христиан Востока и Запада: вопрос об использовании квасного хлеба на Литургии. С его точки зрения, этот вопрос относится исключительно к области обряда и символа: греки, используя квасной хлеб, указывают на восприятие Богом Словом всей полноты человечества, включающей как тело, так и душу, в то время как латиняне, используя опресноки, видят в них символ бессеменного зачатия и чистоты Христа. Но поскольку и те, и другие признают обе догматические истины и согласны по принципиальным вопросам христологии, выбор типа хлеба для Литургии определяется лишь традицией, которая, будучи почтенной как на Востоке, так и на Западе, имеет право на существование [De Concordia, 196].

Тем не менее, поскольку Евхаристия — Таинство Единства, предпочтительнее было бы, если бы обе ветви христианства выбрали общий способ её совершения. Он предлагает остановиться на восточной практике служения на квасном хлебе по следующим причинам: квасной хлеб изначально использовался и на Западе, а опресноки никогда не использовались на Востоке, поэтому народу будет легче вернуться к старому, чем перейти на новое; восточное христианство многоязычно, многонационально, администрируется четырьмя патриархами, поэтому принятие какой-то новой практики сопряжено с большими трудностями технического характера, в то время как западное христианство консолидировано, одноязычно и подчиняется единому главе — папе, решения которого будут достаточными для перехода всего Запада на квасной хлеб [De Concordia, 198]. Проект такого законодательного решения Варлаам и предлагает папе [De Concordia. L. 25–34].

Проект «Собор после военной помощи»

Следующий проект Варлаама связан с его секретной дипломатической миссией в Авиньон 1339 г. Проект был изложен перед папой и курией, и на него была получена резолюция, задокументированная, вместе с прочими материалами по этому делу, в актах Римо-Католической Церкви [Pro Unione, PG V. 151. Col. 1331–1342].

Логика рассуждений Варлаама такова: для заключения унии необходимо, чтобы к согласию с ней пришли как ученые мужи обеих сторон, так и простой народ. При этом для образованных людей необходимо устроить свободную дискуссию, в которой взвешенному анализу будет подвергнут основной пункт разделения: *Filioque*. Для этого из Византии на Запад может быть направлено посольство из 30–40 богословов, которые, встретившись с западными коллегами, обязательно разрешат недоразумения по поводу исхождения Святого Духа, поскольку они будут движимы не мелочными человеческими интересами, а искренним стремлением к истине. После того как будет достигнут консенсус между учеными мужами, для убеждения простого народа необходимо будет собрать Вселенский Собор, удовлетворяющий всем требованиям к таковому. На нем обязательно должны присутствовать посланцы всех патриархатов, и он должен пройти в мирной, не связанной внешним давлением обстановке. Лионский собор 1274 г. не удовлетворял этим требованиям и оказался вследствие этого неэффективным. Если же будет организован собор согласно всем условиям, важным для византийцев, а между богословами к тому времени уже будет достигнуто согласие, то народ примет его, и такой собор обязательно приведет к примирению Церквей [Pro Unione, PG V. 151. Col. 1333 A–1334 A].

При этом необходимо, чтобы папа, со своей стороны, благословил западные светские власти на военную поддержку Византийской империи против турок. Варлаам

излагает причины, по которым папа должен поддержать французско-византийскую коалицию. В частности, увидев столь значительную помощь папы, византийцы будут благосклоннее смотреть на проект унии, к которому они питают понятное нерасположение после того урона, который был нанесен Византийской империи войсками крестоносцев в XIII в. С другой стороны, до наступления мира невозможно проведение Вселенского Собора с участием всех патриархов [Pro Unione, PG V. 151. Col. 1335 A–D].

Однако папа и коллегия кардиналов отклонили предложение Варлаама на том основании, что учение об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына утверждено на многочисленных соборах и для Римского престола было бы унижительным вступать в прения на равных со схизматиками, отвергающими это учение. Все, на что может пойти курия, сводится к тому, чтобы принять делегацию восточных богословов, но не с целью обсуждения вероучения, но для их научения и просвещения («non per modum disputationis vel concertationis, sed instructionis» [Pro Unione, PG V. 151. Col. 1338 B]). Византийцам предлагается присоединиться к Католической Церкви безо всяких условий, после чего им будет оказана необходимая военная или другого рода помощь. Переговоры оканчиваются безрезультатно.

Обратим здесь внимание на то, что, хотя задачей Варлаама в этой миссии было заключение унии и получение военной помощи от Запада, он не идет ни на какие вероучительные компромиссы. Он требует внимательного рассмотрения вопроса сначала группой богословов, а затем и на Вселенском Соборе.

Мы согласны с анализом этих текстов, предложенным Ф. И. Успенским: «...напрасно было бы подозревать Варлаама в излишней преданности латинству. В Авиньоне он был искренним и преданным слугой императора и защищал до последней крайности интересы Греческой империи» [Успенский, 243].

Причины провала всех попыток

В краткосрочной перспективе жизни Варлаама все его проекты не принесли плода в деле воссоединения Церквей: его вежливая диалектика не была воспринята ни единомышленниками, ни оппонентами; проект авторитарного решения был написан, по существу, «в стол», а та его часть, что была высказана перед папой, не получила с его стороны поддержки; равным образом провалилась и попытка Варлаама убедить папу оказать военную помощь Византии и организовать после этого Вселенский Собор.

Нам представляется, что эта неудача была обусловлена тремя причинами: во-первых, это непоследовательность Варлаама в следовании собственной методологии; во-вторых, это несоответствие этой методологии духу времени; и, в-третьих, это чрезмерный оптимизм Варлаама, который доводил его проекты до потери связи с реальностью.

«Вежливость», к которой Варлаам призывал и которой пытался следовать сам, была небезукоризненна в его исполнении. Достаточно часто она переходит в иронию или даже сарказм.¹¹ В первой редакции трактата «Против латинян» Варлаам не скупится на агрессивные ремарки в адрес Фомы Аквинского.¹² И вообще эта первая редакция по своему тону гораздо жестче последующих. А. Фиригос считает, что в провале «вежливого диалога» виноваты все участники спора, включая Варлаама [Fyrigos, 1982, 30–32]. Диалектика Варлаама, как показала Т. Колбаба на примере его речей против папского примата, также не была до конца последовательной: заявляя, что он будет строить диалог исключительно на положениях, разделяемых его оппонентами,

¹¹ Пример сарказма см. в сноске 1. Иронических оборотов можно найти множество. См., напр., в церковнославянском переводе не сохранившейся первоначальной редакции текста: «На Латине» [Kakridis, Taseva, 311. С. 15.]

¹² Напр., «На Латине». С. 335. С. 8–11: «Но мы верим, что, кто бы ни сказал это первым, Фома ли, или кто другой, он только предоставил свой язык, а изрек это в действительности диавол» [Kakridis, Taseva, 335. С. 8–11; Там же, 353].

в действительности Варлаам привлекает в качестве посылок и такие утверждения, с которыми латиняне не могли согласиться [Barlaam, 1995, 55–56].

Диалог, выстроенный на диалектических принципах в духе благожелательности, не соответствовал интенциям сторон в середине XIV в. И греки, и латиняне были готовы только к монологу с распределением ролей по типу «учитель-ученик», а не к диалогу на равных. Моделью диалога того времени были те диалоги Платона, чья форма «в конечном счете была не чем иным, как его внутренним разговором с самим собой» и в которых «собеседник часто только повод для того, чтобы разобраться в самом себе» [Лосев, Тахо-Годи, 90; Barlaam, 1995, 58]. Это подтверждает и резолюция папы на проект Варлаама, когда в ответ на развернутое обоснование необходимости проведения многоступенчатых переговоров папа отвечает, что готов принять греческую делегацию, но только на правах учащихся. И сам Варлаам не всегда может преодолеть эту традицию диалога с самим собой.

Проекты Варлаама были изначально утопичны. С самого начала и по крайней мере до 1339 г. он верил в то, что интеллектуалы обеих сторон, озабоченные поиском истины, смогут прийти к консенсусу по вопросу о Filioque. Варлаам, сам причастный и к восточной, и к западной традиции, осознавал, что культурный и исторический багаж являются препятствием для подобного рода диалога, но не придавал этому факту должного значения. Ни Запад, ни Восток не смотрели на Filioque как на теологумен, и поэтому все предложенные Калабрийцем проекты были обречены на провал. А. Фиригос замечает, что «проект, который Варлаам, с его точки зрения, подготовил в малейших подробностях, напротив, с первых строк выдает свою неадекватность реальности», а решение, предложенное им, называет «парадоксальным» [Fyrigos, 1982, 40–41]. Оптимизм Варлаама, как нам кажется, потерпел крах на соборе 1341 г., которого он сам усиленно добивался. До собора он еще считал, что догматические вопросы можно решать через обсуждение. Но консервативная позиция патриарха Иоанна Калеки, который наложил вето на обсуждение догматических вопросов и ограничился дисциплинарным подходом к проблеме [Das Register, 214–220. Reg. № 132. L.52–104], окончательно разрушила его надежду на возможность богословского диалога и одновременно подорвала его доверие к Византийской Церкви. После перехода в католичество Варлаам не предлагает новых проектов унии, а ограничивается пастырской деятельностью в своей епархии и перепиской с близкими друзьями.

Как исторический персонаж Варлаам должен быть охарактеризован прежде всего как сторонник и богослов унии. Именно стремление к воссоединению Церквей (а вернее, Церкви) определяло почти все его действия, и через это следует давать им историческую оценку. Его проекты были оригинальны, необычны для своего времени, он проводил их на высшем церковном уровне с упорством, которое могло бы увенчаться успехом, если бы не их неадекватность исторической ситуации и не неаккуратность в исполнении. Тем не менее, «вежливый» проект Варлаама приобретает актуальность в наше время.

Источники и литература

1. Лосев, Тахо-Годи (1993) — *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. М., 1993.
2. Успенский (2001) — *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892. Переизд.: М. 2001. С. 1–316.
3. Barlaam (1954) — *Barlaam Calabro. Epistole greche; i primordi episodici e dottrinari delle lotte esicaste / Studio introduttivo e testi a cura di Schirò G.* Palermo, 1954.
4. Barlaam (1998) — *Barlaam Calabro. Opere contro i Latini. / Introd., testo, trad. e note a cura di Fyrigos A.* Città del Vaticano, 1998.
5. Barlaam (1995) — *Barlaam the Calabrian. Three Treatises on Papal Primacy / Introd., ed., transl. by Kolbaba T. // Revue des Études byzantines.* 1995. № 53. P. 41–115.

6. Darrouzès (1979) — *Darrouzès J.* Les Actes des Patriarches VI: les Regestes de 1377 à 1410. Paris, 1979.
7. Demetracopoulos (2003) — *Demetracopoulos J. A.* Further Evidence on the Ancient, Patristic, and Byzantine Sources of Barlaam the Calabrian's *Contra Latinos* // *Byzantinische Zeitschrift.* 96 (1):83–122 (2003).
8. Fyrigos (2005) — *Fyrigos A.* Dalla controversia palamitica alla polemica esicastica (con un'edizione critica delle Epistole greche di Barlaam). Roma, 2005.
9. Fyrigos (1982) — *Fyrigos A.* Nota per la datazione delle orazioni “Ad Synodum e De concordia” di Barlaam Calabro // *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata.* 1982. № 36. P. 23–42.
10. Gianelli (1946) — *Gianelli C.* Un progetto di Barlaam per l'unione delle chiese // *Miscellanea Giovanni Mercati.* Città del Vaticano, 1946. 3. P. 157–208.
11. Jugie (1940) — *Jugie M.* Barlaam est-t-il né catholique? // *Échos d'Orient,* 1940. № 39. P. 100–125.
12. Kakridis, Taseva (2014) — *Kakridis Y., Taseva L.* Gegen die Lateiner. Traktate von Gregorios Palamas und Barlaam von Kalabrien in kirchenslavischer Übersetzung. Freiburg i. Br., 2014 // *Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes.* Vol. 63.
13. Meyendorff (1955) — *Meyendorff J.* Un mauvais théologien de l'unité: Barlaam le Calabrais // 1054–1954: L'Église et les Églises. Études et travaux offerts à Dom Lambert de Beaudouin. Chevetogne 1955. № 2. P. 47–64.
14. Das Register (1995) — *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel.* 2: Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1337–1350 / *Hrsg. v. Cupane C., Hunger H., Kislinger E., Kresten O.* Wien, 1995.
15. Quaranta (2001) — *Quaranta F.* Barlaam di Seminara. Un opuscolo sul primato del papa (introduzione e traduzione) // *Barlaam Calabro. L'uomo, l'opera, il pensiero / A cura di A. Fyrigos.* Roma, 2001. P. 91–109.
16. Σπουρλάκου-Εύτυχιάδου (2006) — *Σπουρλάκου-Εύτυχιάδου Α.* Ο αντιλατίνος Βαρλαάμ Καλαβρός. Οι πρός Λατίνους λόγοι του περί του Αγίου Πνεύματος και η σχετική διένεξη του με τον αγίο Γρηγόριο Παλαμά // *Επιστημονική Επετήρις της Θεολογικής Σχολής.* Αθήναι, 2006.

Elga Kanayeva. Barlaam of Calabria and His Theology in Defense of Uniatism.

The article examines the personality of Barlaam of Calabria (14th century) through the prism of his activity in favor of the unification of the churches. The author shows how this activity fits into the historical context and the ecclesiological attitudes of Barlaam. The author describes the three projects that Barlaam proposed throughout his life and their evolution. The project of “polite dialogue” and dialectics was supposed to solve the problem of the mutual misunderstanding of the parties. The project of the “authoritarian solution” was to remove the pressure of mutual anathemas and lead to a more constructive dialogue. The project of a “council after military assistance” was supposed to solve immediately the political and theological problems of Christians. All these projects ultimately failed due to their failure to keep in mind the historical situation and their inconsistent implementation. Nevertheless, the originality of Barlaam's ideas and his tirelessness in their embodiment defines him as a sincere and gifted fighter for church unity. The conclusion is drawn that this struggle was the main content of his political and theological thought.

Keywords: Barlaam of Calabria, unification of the churches, interconfessional dialogue, Ecumenism, 14th century, dialectics, Filioque, procession of the Holy Spirit, azymes, ecclesiology, church policy, church history.

Elga Yur'yevna Kanaevya — A graduate of the Post-graduate Program at St. Tikhon's Orthodox Theological University, Executive Editor, St. Tikhon's Orthodox Theological Institute (Moscow) (mvereskov@list.ru).

References

- Losev, Takho-Godi (1993) — Losev A. F., Taho-Godi A. A. *Platon. Aristotel.* [Plato. Aristotle]. Moscow, 1993. (In Russian).
- Uspenskiy (2001) — Успенский Ф. И. Ocherki po istorii vizantijskoj obrazovannosti [Essays on the History of Byzantine Education]. Saint-Petersburg, 1892. Repr.: M., 2001, pp. 1–316. (In Russian).
- Barlaam (1954) — Barlaam Calabro. *Epistole greche; i primordi episodici e dottrinari delle lotte esicaste.* (Studio introduttivo e testi a cura di Schirò G.). Palermo, 1954.
- Barlaam (1998) — Barlaam Calabro. *Opere contro i Latini* (Introd., testo, trad. e note a cura di A. Fyrigos). Città del Vaticano, 1998.
- Barlaam (1995) — Barlaam the Calabrian. *Three Treatises on Papal Primacy* (Introd., ed., transl. by T. Kolbaba). In: *Revue des Études byzantines*, 1995, no. 53, pp. 41–115.
- Darrouzès (1979) — Darrouzès J. *Les Actes des Patriarches VI: les Regestes de 1377 à 1410.* Paris, 1979.
- Demetropoulos (2003) — Demetropoulos J. A. Further Evidence on the Ancient, Patristic, and Byzantine Sources of Barlaam the Calabrian's *Contra Latinos*. In: *Byzantinische Zeitschrift*, 96 (1):83–122, 2003.
- Fyrigos (2005) — Fyrigos A. *Dalla controversia palamitica alla polemica esicastica* (con un'edizione critica delle Epistole greche di Barlaam). Roma, 2005.
- Fyrigos (1982) — Fyrigos A. Nota per la datazione delle orazioni “Ad Synodum e De concordia” di Barlaam Calabro. *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*, 1982, no. 36, pp. 23–42.
- Gianelli (1946) — Gianelli C. Un progetto di Barlaam per l'unione delle chiese. In: *Miscellanea Giovanni Mercati*. Città del Vaticano, 1946, 3, pp. 157–208.
- Jugie (1940) — Jugie M. Barlaam est-t-il né catholique? In: *Échos d'Orient*, 1940, 39, pp. 100–125.
- Kakridis, Taseva (2014) — Kakridis Y., Taseva L. Gegen die Lateiner. Traktate von Gregorios Palamas und Barlaam von Kalabrien in kirchenslavischer Übersetzung. Freiburg i. Br., 2014. In: *Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes*. Vol. 63.
- Meyendorff (1955) — Meyendorff J. Un mauvais théologien de l'unité: Barlaam le Calabrais. In: *1054–1954: L'Église et les Églises. Études et travaux offerts à Dom Lambert de Beaudouin*. Chevetogne 1955, no. 2, pp. 47–64.
- Das Register (1995) — *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*. 2: Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1337–1350. (Hrsg. v. Cupane C., Hunger H., Kislinger E., Kresten O). Wien, 1995.
- Quaranta (2001) — Quaranta F. Barlaam di Seminara. Un opuscolo sul primato del papa (introduzione e traduzione). In: *Barlaam Calabro. L'uomo, l'opera, il pensiero.* (A cura di A. Fyrigos). Roma, 2001. pp. 91–109.
- Spourlakou-Eutychiadou (2006) — Σπουρλάκου-Εὐτυχιάδου Α. Ο αντιλατίνος Βαρλαάμ Καλαβρός. Οι πρὸς Λατίνους λόγοι του περὶ του Αγίου Πνεύματος και η σχετική διένεξη του με τον αγίο Γρηγόριο Παλαμά. in *Επιστημονική Επετήρις της Θεολογικής Σχολής*. Αθήναι, 2006.